

РАСКАЗЫВАЮТ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ-АНТИФАШИСТЫ

ГЛАУКО МОНДУЧЧИ (GLAUCO MONDUCCI)

Отряд Черные Совы/Гуфо Неро/Gufo Nero

Я родился 26 ноября 1923 года. Моя мать была школьной учительницей, отец – директором конторы по сбору налогов (dazio). Это было правительственное учреждение, собиравшее налоги с производителей вин и других коммерсантов.

Глаукко Мондуччи (1923 – 2007)

Вы всегда жили в Реджо-Эмилии/Reggio Emilia?

Да.

Была ли ваша семья в существенной мере политизированной?

Мы никогда не были вовлечены в политику. Мой отец посвятил себя семье, а в политическом смысле был в центре. Также и я: сражался против англичан, но политика меня не интересовала. После войны я стал в какой-то степени героем, все хотели привлечь меня к политическим делам, но я отказывался. Я стал трудиться сразу же, в 45-м, в фирме под названием *Galinari*, которая была крупнейшим поставщиком вин в Европе. Я продавал шипучие вина. В 1950-м мой босс, г-н Галинари сказал, что хочет назначить меня главой департамента железнодорожных перевозок. Я был в восторге, хотя ни разу в жизни не видел железнодорожного вагона!

То есть, когда война началась, вы были в школе?

Да.

И 8 сентября [1943 года] тоже (дата официального провозглашения перемирия между Италией и союзниками)?

Тогда я уже работал.

Вы помните, как до вас дошли новости [об окончании войны]?

Я был в восторге, потому что надеялся, что война окончилась.

И большинство людей в Реджо-Эмилия радовалось этому?

Да, конечно. У большинства семей сыновья были на войне. 8 сентября стало важнейшим днем для дальнейшего хода войны, потому что многие демобилизованные солдаты ушли в горы и стали ядром для первых партизанских отрядов.

В тот день, 8 сентября, могли ли вы представить себе, что станете солдатом фашистской армии или будете сражаться вместе с партизанами?

Да, такой у меня был характер. Я всегда был немного бунтарем, восстававшим против того, что меня окружало. В нашем краю повсюду были немцы. Моя семья эвакуировалась в Альбинеа/Albinea, и большие дома заселили эсэсовцы.

Почему ваша семья эвакуировалась?

Потому что союзники ожесточенно бомбили Реджо. Так было уже в январе 1943-го, потому что союзники хотели разбомбить фабрику *Le Reggiane*, которая производила самолеты.

Отчего у вас стали появляться антигерманские чувства?

Из-всего. Из-за их высокомерия, из-за всего того, что они наделали в Европе.

То есть, даже тогда, когда вы были молодым парнем, у вас были инстинктивные негативные чувства по отношению к немцам?

Да, потому что они вторглись в Польшу из-за своего высокомерия.

Итак, вы никогда не одобряли то, что Италия вступила в войну на стороне Германии?

Нет, скорее, наоборот...

Когда была создана Республика Сало (Salò), началась гражданская война. В ноябре 43-го, когда здесь были немцы и фашисты, по радио объявили (тогда нельзя было вешать объявления на стены) о призыве на службу. Если ты не являлся [на призывной пункт], ты подлежал расстрелу. Я пришел и был отправлен во Флоренцию. Я был высоким парнем, так что меня записали в гренадеры.

Вы думали о том, чтобы не являться [на призывной пункт]?

Вы должны помнить, что, не сделав этого, мы подвергли бы смертельному риску и репрессиям наши семьи...

Во Флоренции на даже не было матрасов на койках. Я подружился с одним офицером, который через месяц сказал мне, что на пошлют в Кассино. Самому себе я сказал: «Я определенно не пойду на фронт» и решил дезертировать. Во Флоренции у меня была кухня, и я припас у нее дома кое-какую гражданскую одежду. Правда, из казармы нас совсем не выпускали, однако этот офицер доверял мне и дал мне задание: приносить ему каждый день ланч из trattoria. В январе 44-го Реджо бомбили, и моя жена спряталась в подвале того самого дома, в котором мы сейчас находимся. Я принял решение осуществить свой план и вместо того, чтобы идти за ланчем, пошел к кухне и переоделся. Оттуда и отправился на станцию и затем вернулся в Реджо. Нашу станцию разбомбили, и поезд остановился в нескольких километрах перед городом. Дело было ночью, был комендантский час. Утром я добрался до дома и остановился в нем (родители в то время были в Альбинее). Три месяца я прятался, а потом, в марте, вышел указ маршала [Грациани/Graziani](#), получивший название *Bando Graziani*.

Мой отец, отправил меня к одному из своих сборщиков налогов в расположенную в горах деревню Фабрико/Fabrigo. Тот меня спрятал и неплохо кормил. Потом приехал отец и рассказал об амнистии. Я не хотел рисковать благополучием своей семьи и снова явился в казармы, в Реджо. Через неделю нас окружили немцы, нас затолкали в грузовики, которые отвезли нас на станцию, где стояли составы из вагонов для скота. Нам дали немного хлеба и воды и заперли в них, оставив жариться на солнце. Ночью состав тронулся и отправился в Германию...

В Германии из итальянцев сформировали три дивизии: *Monte Rosa* из альпийских стрелков, *Italia* – пехотную и *Littorio* – еще одну пехотную. Я попал в дивизию *Italia*. Нас расквартировали в лагере. Условия там были фронтовые: блиндажи, падали на нас настоящие бомбы, обучались мы с настоящими боеприпасами.

Одеты были в немецкую форму?

Нет, итальянскую. Инструктора были немцами. Эти люди наводили страх, но в чем-то это было удачей, потому что я прошел боевую подготовку, которая оказалась по-настоящему основательной.

Какой была подготовка?

Мы проползали милью за милей на пузе и локтях. Нас учили кидать гранаты – настоящие гранаты, стрелять боевыми патронами, атаковать блиндажи. Я был быстрым и сильным, поскольку в прошлом был чемпионом по легкой атлетике, там часто проводились соревнования, в которых я побеждал. Призы были в виде хлеба, сигарет (я не курил, поэтому мог обменивать их на что-то). Потом наступил день, когда пришел капрал и сказал, что ищут добровольцев [graduati], которые под видом офицеров поедут в другой лагерь – Мюнзинген/Münsingen, где проходит обучение дивизия *Monte Rosa*. В ней не хватало офицеров, а их собирались проинспектировать Муссолини и Грациани перед отправкой дивизии назад в Италию. Я был простым солдатом, никак не офицером. Ну, поговорил с капралом: у меня были какие-то деньги, и я попытался купить себе офицерское звание. Он согласился, меня с какими-то другими парнями посадили на грузовики и отправили в Мюнзинген. Я был в форме альпийского стрелка (Alpino) и получил снаряжение для войны в горах. Муссолини, Грациани и Кессельринг посетили нас, и через пару дней нас пешим ходом отвели на станцию, откуда [железнодорожный] состав отвез нас в Италию.

Почему вы захотели оказаться в дивизии *Monte Rosa*?

Потому что я хотел вернуться в Италию и знал, что они должны были вот-вот туда отправиться. В голове у меня был четкий план: дезертировать, как только я вернусь в Италию. Нас ведь хотели сразу же послать на передовую: Муссолини был полон желания доказать, что его армия пригодна для того, чтобы сражаться на фронте бок о бок с немцами. Еще я хотел присмотреться к другим парням, которые были со мной и которые могли бы уйти со мной: я не хотел дезертировать в одиночку.

Тот день, когда вы видели Муссолини во время инспекции, был единственным таким?

До этого еще раз это случилось в Пьяццале Лорето/Piazzale Loreto.

Мы прибыли в Геную, и нас отвезли в большой парк, где стояли большие палатки. Я поговорил с солдатами, которые хотели бы уйти вместе со мной, и выяснил, что у одного из них кузен служил таможенным инспектором в морском порту. Мы с этим парнем пошли и поговорили с этим кузеном, сказали ему, что хотим бежать. Он предупредил, что это – дело весьма опасное и что нас расстреляют, если поймают. Однако он добавил, что в горах, в районе вершины Антола/Monte Antola (между Генуей и Пьяченцей), находится

партизанский отряд, а мы и не знали тогда, что из себя представляют партизаны. «Как туда добраться?» - спросили мы. Он ответил, что из Прате Лигуре/Prate Ligure ходит автобус. Мы поговорили с другими парнями и разъяснили им всю степень риска: кузен рассказал нам, что вдоль автобусного маршрута находятся пропускные пункты, на которых несут службу солдаты и офицеры *Decima Mas (Decima Flottiglia Motoscafi Armati Siluranti, также известная под названиями La Decima или X^a MAS – отряд морских командо, продолживший боевые действия в составе вооруженных сил Итальянской Социальной Республики после капитуляции этой страны – ВК)...*

Но мы – нас было пятеро - приняли решение, взяли с собой оружие и патроны и отправились в Прате Лигуре. Подозрений мы не вызвали, так как были в военной форме. Автобус был переполнен. В те времена они ходили на дровах. Мы уселись на крышу, кто-то спросил нас, куда мы едем. Мы сказали ему, что едем подышать воздухом в горы. Этот человек спросил: «А вы знаете, что там партизаны? Вас там убьют, тут же уложат.» Дело мы предприняли и в самом деле крайне рискованное, но лично у меня не было альтернативы, да и при этом я всегда был оптимистом... Доехали мы до пропускного пункта, где были даже пулеметы. Офицер стал орать на нас, спрашивая, куда мы направляемся и за каким чертом. Я ответил в подобном резком ключе: «Мы – альпийские стрелки, только что вернулись из Германии и хотим подышать воздухом. Один парень из *Decima Mas* сказал нам, что мы сошли с ума, что в горах партизаны, а я сказал: «Ну и что с того?» Я рассчитывал, что моя уверенность в себе заставит их отвязаться от нас, но тут к нам подошел какой-то господин, который разобрался в том, что у нас на уме. Он сказал, что мы должны сдать ему свое оружие, когда проедем последний пропускной пункт, а он свяжет нас с группой партизан, находящихся в тех краях под командой у его племянника...

Так мы и сделали. На месте к нам подошли двое человек, которые отвели нас в трактир. До сих пор помню, что я ел там: макароны с грибами. Я был голоден до обморочного состояния! Ночью нас отвели в комнату, где сидели вооруженные, бородатые и страшноватые люди. Потом мы четыре часа шли в горы к вершине Антола. Вышли к домикам, которые были предназначены для сушки каштанов. Каждому из нас выдали по два одеяла. На землю были набросаны сухие листья, на которые можно было улечься. Там у меня появилась кличка Гордон (Gordon). Я намеревался двигаться дальше и присоединиться к партизанам, находившимся здесь, в Эмильяне/Emiliana (*вероятно, имеется в виду регион Италии Emilia-Romagna, в котором находится родной город Глауко Мондуччи – Реджо-Эмилия - ВК*). Эти парни здесь, в Лигурии, входили в *Бригаду Гарибальди/Brigata Garibaldi* с ее политическими комиссарами, которые воевали в Испании и побывали в Москве, где прошли идеологическую подготовку.

Почему партизанские командиры соглашались на присутствие коммунистических комиссаров?

Потому что они так или иначе склонялись к тем же идеям.

А зачем вам был комиссар, если командир и без того был коммунистом?

Потому что комиссары были лучше подготовлены в русле этих доктрин, они были выше в культурном смысле. Комиссар поддерживал боевого командира. Я сейчас говорю только о *Гарибальдийских Бригадах*. Были еще [антифашистские] бригады *Закон и Справедливость/Giustizia e Liberta*, да и не только они: были еще католики - *Partito d'Azione (PdA – либерально-социалистическая, антифашистская и республиканская группировка - ВК)*.

Были ли комиссары изначально партизанами, которые позднее стали политизированными, или политическая направленность была у них с самого начала?

Сначала был политический опыт. Потом они шли в партизаны. Например, они были людьми, воевавшими в Испании, они были заметно старше нас – ближе к 35. Они были первыми из тех, кто ушел в горы и создал там партизанские отряды, они же создали и отряды бригады *Закон и Справедливость*.

Так их в горы послала коммунистическая партия?

Это произошло автоматически: скажем, если я был одним из комиссаров, если я воевал в Испании и, вероятно, побывал в Москве, 8 сентября [1943 г.] (*день капитуляции Италии – ВК*) я бы ушел в горы.

Если эти люди были старше и мудрее, почему они не становились командирами?

Потому что после 8 сентября появились кадровые офицеры, которые вышли из тюрем и ушли в горы. Так что всегда четко различались две роли: политический комиссар и боевой командир. Так все было организовано.

Была ли задачей комиссара политическая индоктринация партизан?

Да, они шли в горы прививать людям свои политические убеждения, планируя воздействовать с их помощью на политическую ситуацию после войны, – это и на самом деле случилось, когда появился Тольятти. Однако эти коммунистические отряды были также и самыми кровожадными. Когда мы вышли в район вершины Антола, в одном из домиков находились 9 голландцев, которые до этого воевали в германской армии. В один из дней неподалеку от нашей базы появились *чернорубашечники*, и около десяти партизан погибли, попав в засаду. Так партизаны отвели этих девяти голландцев в то самое место, где случилась засада, и убили их в отместку. Я это видел, и тогда у меня было к ним такое же чувство ненависти, как и к немцам...

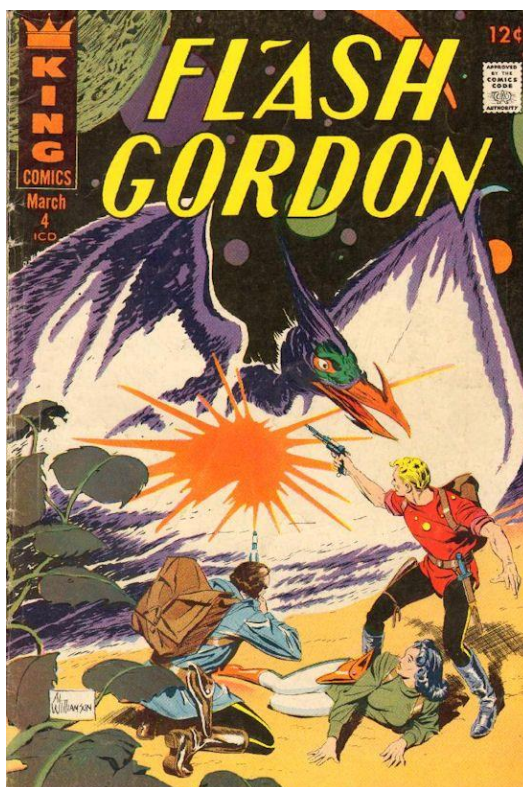
Я поговорил со своими друзьями, и мы решили попросить партизанского командира выдать нам что-то вроде пропусков для того, чтобы мы могли без помех перебраться в Эмилиану. Все мы, пятеро, сдали свое оружие и отправились в путь... У нас не было карт, не было еды. Просто представьте себе: мы в Лигурии, а надо добраться до Эмилианы. При этом нам нужно было оставаться в горах подальше от каких-либо населенных пунктов, не считая вечернего времени, когда мы подходили к какому-нибудь одиноко стоящему дому и выпрашивали корку хлеба. Ночью нам нужно было найти себе кров. Ни одеял, ничего похожего у нас не было. Наступил момент, когда мы добрались до Пармезанских Апеннин (*по-видимому, имеются в виду окрестности города Пармезана/Parmesana в провинции Брешиа – ВК*). Мы были в пути примерно 10 дней, когда набрали на партизан очень грубого, на первый взгляд, пошиба, которые отвели нас к своему предводителю. Показали ему наш пропуск... Они посмотрели на наши башмаки и сказали: «Снимите их.» Мы отказались, и тогда они отпустили нас. Через пару километров мы услышали свист и снова увидели партизан, которые стали угрожать нам оружием и сняли обувь с одного из моих друзей (это была единственная пара обуви, которая этим парням подошла), отдав взамен куски кожи, которые можно было только подвязать к ступням веревкой.

Потом нам пришлось пройти несколько горных перевалов, которые патрулировали фашисты. В одном пункте нам пришлось перебираться по какому-то хлипкому мостику, на котором в один момент времени может находиться только один человек. Когда мы переходили по нему, в поле зрения появилась колонна фашистов, поднимающаяся по склону горы. Мы побежали по мосту все сразу, натерпелись страху, но перебрались на другую сторону, где они не могли нас разглядеть. В итоге, мы добрались до места под названием Ветто/Vetto, уже в Реджианских Апенниннах. Дело было, должно быть, уже в августе. Там я нашел сборщика налогов, который принял нас у себя в доме, и спросил у него, есть ли у него связь с местными партизанами. Обсудив с парнями ситуацию, мы решили, что каждому из нас пора идти своим путем.

Я понимал, что мне нужно скрыться, чтобы не подвергать риску других. Проводник отвел меня в штаб к *реджианским* партизанам, который на тот момент находились недалеко. Там на меня сразу насел политкомиссар, которого звали Эрос (Eros). Он не давал мне продыху, допытываясь, почему я оказался в армии Итальянской Социальной Республики. Он хотел понять, что меня туда привело. Командиром *реджианских* партизан был бывший полковник альпийских стрелков, которого звали Берти (Berti).

Давайте вернемся немного назад. Почему вы выбрали кличку *Гордон*?

Благодаря персонажу *Flash Gordon* (персонаж серии приключенческих американских комиксов, появившихся в 1934 году и дошедших до Италии – ВК).

Обложка журнала комиксов. *Flash Gordon* – справа. 1934 год
<https://www.pinterest.com.au/pin/39195459236227802/>

Со мной переговорил полковник Берти, который сразу же увидел мой потенциал. Он спросил, хочу ли я остаться при штабе, чтобы работать в секторе информации. Уже через неделю я был заместителем начальника этого сектора. Было это при штабе партизанских сил в районе Реджо.

Дело было в начале сентября [1944 года]?

Да.

Как передавались вам приказы от Берти?

По эстафете. Телефонов и радиостанций у нас не было.

Сомневался ли кто-либо в способности Берти командовать?

Нет. Он был человеком с военным опытом, хорошим характером, харизмой, умел контролировать людей.

Давайте перейдем к созданию отряда *Черные Совы/Gufo Nero*. В горах были группы английских агентов, которые должны были налаживать связи между союзным командованием и партизанами. У них были рации, они организовывали сбросы [грузов].

SOE (Special Operations Executive)?

Да.

Сколько агентов было в каждой такой группе?

Обычно 5: командир, радист, офицер разведки и другие. Их штаб находился в Фьезол/Fiesole. В декабре 1944-го они сбросили Майка Лиза (Mike Lees) и его людей.

Капитан Майк Лиз (1922-1993)

Какими были настроения у партизан, когда вы присоединились к ним в сентябре? В период времени между вашим вступлением в отряд и появлением Лиза? Грузы с оружием все еще поступали?

Боевой дух были ниже нуля. Между июлем и августом немцы провели жестокий карательный рейд (*rastrellamento*), и партизаны были вынуждены отступить еще выше в горы. Им пришлось взорвать схроны с оружием, чтобы они не попали в руки немцев. После завершения рейда сбросы оружия возобновились, но с меньшей интенсивностью.

Лиз разместил свой штаб в деревне Секкио/Secchio [близ Вилла Росса/Villa Rossa]. Он вступил в контакт с нашим штабом и попросил Берти дать ему имена людей, которые подходят для службы в отряде *коммандо*, который он намеревался сформировать. Этот отряд должен был оборонять его штаб и осуществлять атаки на линии снабжения немцев, диверсии и пр. Меня рекомендовали Лизу, и я отправился на встречу с ним. Он стал расспрашивать меня о моем прошлом, понял, что я прошел хорошую подготовку, и был удовлетворен. Он сказал мне сесть на лошадь, проехать по округе и найти 40 самых лучших парней. Поскольку я до этого служил в информационной группе, я знал самых заслуженных партизан. Так случилось, что я до этого ни разу в жизни не садился на лошадь! За 10 дней я объездил всех, кого мог, и набрал 40 человек. Командиры отрядов сопротивлялись этому изо всех сил, потому что я забирал у них лучших парней. Я отвел их в Секкио, заставил отмыться, раздал им камуфлированную экипировку и оружие получше: [пулеметы] *Брен/Bren*, [автоматы] *Стен/Sten*, глушители, ручные гранаты, выдал красные береты. Лиз попросил меня выбрать название [отряда], и я назвал его *Черные Совы*.

Было ли у вас письмо от Лиза?

Да, Берти передал его. С ним я и объездил разные отряды, выбирая лучших людей.

А как вы мылись?

Мы брали воду из ручных колонок и источников, которые раньше фермеры использовали для скота.

Штаб был оборудован получше или нет?

Майк Лиз спал в доме у местного священника. Мы ели в другом доме, тоже принадлежавшем священнику.

Потом мы получили приказ взорвать железную дорогу между Вероной и Моденой, по которой [немцы] подвозили грузы к *Готской Линии*. Операция была связана с большим риском. Я понимал, что единственный способ выйти вплотную к железной дороге – это заранее переодеться в немецкую форму. Мы нашли *Fiat 1100*, который еще мог ездить и который отбили у фашистов. Один из моих 40 парней был австрийцем и раньше служил в воздушно-десантной дивизии *Hermann Goering*. Это был парень со сдвигом в мозгах. Блондинистый малый. У меня был еще один немец. Мы повесили на машину поддельный немецкий номерной знак, австриец был за рулем без головного убора, чтобы было видно его волосы. Еще в машине сидели наш немец и я – я выглядел наименее убедительно. Наше оружие было заряжено, и мы спустились на равнину. Наш успех теперь зависел от нашего шофера. Нам предстояло пересечь местность, забитую немцами, что, само собой, было делом опасным. Были там немцы, которые делали что-то с электрическими кабелями, и у нас хватило наглости даже вылезти из машины, отсалютовать и спросить, правильно ли мы едем!

Итальянские партизаны

<https://www.pinterest.com.au/pin/362258363751483841/>

Англичане снабдили нас взрывчаткой нового типа – пластиковой. Я прошел трехдневный курс обращения с ней. У нас были специальные устройства, которые вдавливали в пластик. Потом взрывчатку закладывали, и она детонировала в момент прохождения поезда. Каждый заряд весил 35 кг. В долине мы наткнулись на парней из *GAP (Gruppi di Azione Patriottica)* – они оказались настроенными враждебно по отношению к нам, потому что мы

забрались на их территорию. Со мной было письмо, которое снимало всякую ответственность с меня и взваливало ее на англичан, - предположительно, оно могло спасти меня от расправы, если я буду пойман. Я показал его этим парням. Мы остались с ними на один день, потом попросили дать нам проводника, поскольку было темно, а местность была вся иссечена ирригационными канавами.

Вы все еще были в немецкой форме?

Да, у нас другой одежды и не было.

Метров через 100 мы наткнулись на парней из *GAP*. Проводник подсказал нам пароль, в противном случае мы были бы покойниками. Нам сказали, что составы ходят не каждый день и вообще не ходят по какому-либо расписанию, так что мы залегли за каким-то стогом сена и стали ждать. Наступил момент, когда я уже вставал, что убрать взрывное устройство, мы услышали паровозный свисток, а еще через полчаса услышали шум поезда... Взрыв сдул наш стог сена, половина состава сошла с рельсов и скатилась с насыпи, но на хвостовом вагоне были вооруженные охранники, которые выпустили в воздух осветительные ракеты и начали палить, как сумасшедшие...

Нам удалось сбежать. На следующее утро мы услышали крики и вопли и уже стали готовиться к худшему. Однако оказалось, что это немцы сгоняют людей, чтобы снова поставить состав на рельсы. Позднее какие-то американские бомбардировщики довели дело до конца и разнесли вдребезги состав и пути.

А как вам удалось сбежать?

На своих двоих, как всегда, на своих двоих.

Вся операция заняла одну ночь?

Да, конечно. Началась в сумерках и закончилась на рассвете.

Вы помните, какие чувства были у вас перед операцией?

Я был в страшном напряжении. Начнем с того, что до этого я ни разу не принимал участие в операции с использованием взрывчатки. Я не знал, появится состав или нет, и, если появится, то когда. Я не знал, что будут делать немцы после всего этого.

Затем мы нашли нашу машину и покатали назад в тот отряд, который когда-то отбил ее у немцев. До штаба мы добрались пешком, там нас встретили с большими почестями. Новости об операции были отправлены во Флоренцию, и на следующий день мне выдали автомат с откидным прикладом – такой, как у парашютистов – в знак признания моего успеха. Лиз поздравила меня, *BBC* сообщило об этой операции. Это был значимый акт саботажа, поскольку тот путь был единственной железной дорогой, ведущей к *Готской Линии*. Ее так и не отремонтировали...

Как вы добирались назад? Предположительно, вам нужно было проезжать немецкие посты?

Мы ехали днем, по ночам было опаснее, потому что мы не могли видеть, где на нашем пути находятся посты. На нас была форма, и мы сумели обдурить немцев так же, как и на пути вниз, в долину...

Потом была атака на здания в Альбинее, которая должна была совпасть с финальной атакой на позиции *Готской Линии*. Это был командный пункт всей группировки противника, там были все карты и планы, у них была прямая радиосвязь с Берлином.

Это был объединенный штаб 10-й и 14-й армий немцев, или одной из них?

Это был штаб 51-го Корпуса... Во время атаки между двумя виллами находился шотландский парашютист, Килпатрик (Kilpatrick), который в это время играл на волынке... Для меня это очень большой стресс – вспоминать об этой атаке. Я помню ее во всех деталях, помню все атаки, и, если ты не принял участие в одной из них, сам не поверишь, что это случилось...

РАССКАЗЫВАЮТ ГАСТОНЕ СГАРДЖИ (GASTONE SGARGI) И КАРЛО ВЕНТУРИ (CARLO VENTURI)

Бригада Красная Звезда/Стелла Росса/Stella Rossa

Что вы делали 8 сентября 1943 года и сколько вам было тогда лет?

GS: Мне было 18.

CV: Мне было 17.

И чем вы занимались?

GS: Я был рабочим-строителем.

CV: Я работал на фабрике в Касалеккио ди Рено/Casalecchio di Reno. 8 сентября я был там в районе Фондаццы/Fondazza, поскольку армия распустила всех по домам. В армии сочли войну оконченной, поскольку король и [Бадольо](#) (Pietro Badoglio) запросили мира у британцев. Так что солдаты разбежались по домам, а мы пошли в казармы, чтобы захватить с собой оружие. Так у меня в первую ночь моей свободы оказалось оружие.

Было ли это организованным шагом? Была ли там группа людей, которые ...?

Да, там была группа антифашистов, которые к этому готовились, так как до 8 сентября было 25 июля (*день ареста Муссолини – ВК*). Антифашисты, которые до этого сидели в тюрьме, вышли на свободу и начали организовываться в группу.

В Болонье?

В Казалеккио.

Значит, вы всегда были антифашистом?

CV: Нет, ко мне это не относилось.

GS: Я был. Видите ли, это был настрой в семье. Мой дядя и кузен в свое время эмигрировали во Францию. Потом они входили в организацию *Красная Боевая Взаимопомощь/Soccorso Rosso Militante*, в 1935-м участвовали в войне в Испании. В моей деревне Молинелле/Molinelle всегда были сильны социалистические традиции. Оттуда вышли некоторые пионеры социализма: Массаренти (Massarenti), Андреа Коста (Andrea Costa), и поэтому вся моя семья принадлежал к социалистам. Мы все были настроены антифашистски...

Фашисты пытались воссоздать Итальянскую армию с Грациани во главе. Они прислали нам почтовые открытки с призывом присоединиться к этой армии, которая подчинялась [Итальянской Социальной] Республике. Однако мы выбрали путь Сопротивления...

А казармы охранялись?

Нет, солдаты сбежали. 8 сентября, когда король и Бадольо сбежали, казармы опустели: солдаты разошлись по домам. Потом антифашисты взялись за оружие, чтобы сражаться против немцев.

Было легко организовать это?

Нет.

И как это было достигнуто?

Ну вот он уже входил в отряд, уходивший в горы, а я нет. Я пошел туда сам по себе. Он (Карл) тоже, как и Хектор (Nector).

Nector: Некоторые организации создавались на рабочих местах. Я работал кочегаром. В целом, к фашизму у нас относились отрицательно. Мы между собой обсуждали все это, молодежь собиралась вместе, и мы знали о том, что существуют организованные группы. Это были отряды, бригады...

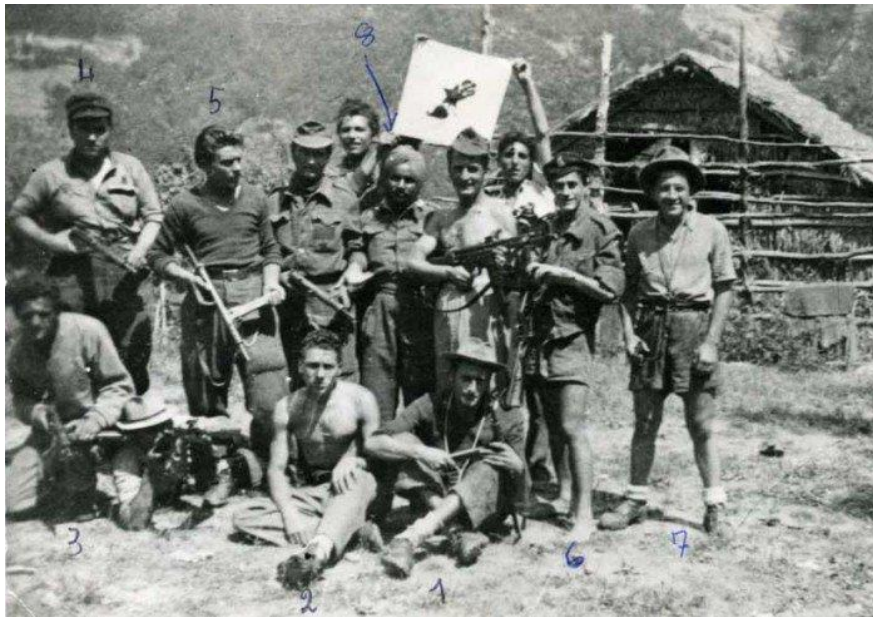
GS: Обычно организаторами были старые антифашисты, побывавшие в тюрьме. Когда все рухнуло, многие из них вышли на волю – они и стали ядром сопротивления. Эти люди провели в заключении по 10-15 лет и были антифашистами еще со времен правления Муссолини. Обычно они начинали свой путь в социалистической партии. То есть, корни были там, они произрастали еще от родителей моих родителей. С нами вступил в контакт Лючиано Романьоли (Luciano Romagnoli), который был секретарем *Итальянского Рабочего Союза/Confederazione del Lavoro*. Они работали с молодежью, ушедшей в бега. Молодые люди не знали, куда идти. Началась немецкая оккупация, куда тут побежишь? Или прячься, или сражайся, или вступай в армию Республики Сало и войной бок о бок с немцами.

CV: Например, там, где я жил, в провинции, по домам ходили эмиссары Республики Сало. Они появлялись в 4.00-4.30 утра и начинали силой заставлять парней записаться добровольцами в армию Республики. В моем городке было 14-15 молодых парней, так в одну ночь шестерых или семерых эти люди увели с собой. После этого ничего не оставалось, как сделать выбор, и мы двое выбрали свой путь...

GS: Именно так. Выбор был таким – или идешь в армию Республики Сало, или идешь в противоположную сторону...

CV: В армии Республики Сало молодым людям платили 50 лир в день – это было в 2-3 раза больше, чем зарабатывал строитель. Столько платили даже тем, кто был слаб умом или вообще недееспособен. Все, что было нужно, - это явиться [на призывной пункт], где тебе давали форму и паек. Парни брали и то, и другое и шли обратно домой. Это было при первом твоём появлении [на призывном пункте]. Потом парням приходилось покидать дом и участвовать в рейдах, зачистках и т.п.

Да, и я мог вообще остаться дома, потому что до записи в армию ты проходил медкомиссию. Я был забракован, потому что был слабогрудым. Но, так или иначе, я принял решение сражаться...

Партизаны из бригады *Stella Rossa*. Среди них Сад Сингх (*Sad Singh*), индийский офицер-танкист, бежавший из лагеря для военнопленных
<https://www.sikhnet.com/news/behind-enemy-lines-story-sad-singh-brigata-stella-rossa>

Вопрос CV: а ваша семья была настроена антифашистски?

CV: Нет. Мы были на за, ни против. Мой отец был рабочим на ферме и не хотел ни во что вмешиваться. У меня не было каких-либо [политических] симпатий, я просто хотел следовать принятым мною решениям. Мы получили приказ уходить и найти оружие.

GS: Со мной было так же: моя семья не была ни за, ни против фашистов. Я лично был настроен против фашистов, потому что наблюдал кое-какие акты агрессии и насилия с их стороны, что вызвало у меня что-то вроде инстинктивной реакции.

CV: И у меня то же самое. Я вступил в партизанский отряд, потому меня били чернорубашечники. Когда они арестовали меня в первый раз, это случилось несмотря на то, что я ничего такого не делал. Оружие у меня уже было, но они этого не знали, поскольку я держал его спрятанным на чердаке. Как-то утром я был на пути в Болонью, направлялся на работу. Где-то поблизости был убит фашист... На дороге был военный пост – фашисты останавливали всех. У меня спросили документы. С собой у меня их не было, но они увидели, что мой карман оттопыривается: там у меня лежал сэндвич. Так меня обвинили в том, что у меня там ручная граната. Меня и еще двоих цыган сняли с трамвая. Нас отвели в тюрьму, но часа через 2-3 меня выпустили. В этот момент я сказал себе, что должен заставить их заплатить за это. Эти парни-фашисты были не старше 17-18 лет, моего возраста или около того. Я сказал себе: «Пойду драться вместе с партизанами.» Но, когда я попытался найти их, мне не удалось это сделать, потому что они были в подполье. Так что в одно утро я отправился в путь, чтобы найти бригаду *Стелла Росса*.

Это было в 44-м?

CV: Нет, в 43-м. Было три совершенно четких варианта для молодого парня: уйти к фашистам, присоединиться к немцам или уйти в партизаны. Был еще вариант – просто где-нибудь схорониться. Присоединиться к немцам мы не могли: мой отец воевал против них во время *Великой войны*, да и мой дед тоже. Немцы были оккупантами, они были агрессорами. У них была власть, и они были убийцами.

Думали ли вы, что союзники победят, или вы рассматривали эти события как гражданскую войну?

Были элементы того и другого. Вероятно, с точки зрения историка было бы неточным назвать это гражданской войной. Мы были уверены в том, что рано или поздно нацизм будет побежден. Вы должны помнить о том, что против нацистов были Англия, Россия. Америка. Была большая коалиция, и мы рассматривали ее как точку отсчета на будущее. Если бы мы сражались в одиночку, мы потерпели бы поражение от немцев на 100%, но для нас было исключительно важно то, что мы ведем борьбу вместе с другими странами, выступившими против нацизма. Такое было видение событий. Когда фашистское правительство прислало нам повестки, в которых говорилось о нашей обязанности записаться в его армию... вы знаете, что значит быть дезертиром? Это означало немедленную смертную казнь, так что нам нужно было набраться храбрости, чтобы следовать избранному пути. Я скрывался в Болонье, прежде чем мне удалось найти дорогу в бригаду *Стелла Росса*. Потом я начал воевать. Но угроза смертной казни оставалась... Мы были под немцами, вы сами можете себе представить, что это означало. Вы бывали в Марцаботто (*место массового убийства немцами мирных жителей – ВК*). Вот что из себя представляли немцы...

GS: На войне обычно берут пленных, но на той войне было не так. Ты либо выживал, либо погибал, потому что людей казнили.

И такие казни имели место в окрестностях Болоньи?

Да они везде были. Будет справедливым сказать так: если у них убивали одного, они убивали десятерых наших. В армии было что-то вроде законности. В Болонье они [фашисты] основали судебный орган, но юридический персонал состав состоял из их сторонников, так что у дезертира было мало шансов найти защиту. Ну а раз ты дезертир, ты – труп. Их отвозили на стадион и там расстреливали. В общем, так поступали итальянские фашисты...

В начале ВМВ была завоевательной для итальянских и немецких фашистов. Потом эта война стала освободительной для нас и для других оккупированных стран. Помню, как Югославию атаковали с двух сторон. Потом югославы сами освободились, под командованием Тито.

Когда вы вступили в бригаду *Стелла Росса*, что об этом думали в вашей семье?

Они не знали, что я отправился туда. Они узнали об этом через три или четыре дня. Они знали, что я стал дезертиром. Фашисты пришли к моему отцу и сказали: «Твой сын не показывается у нас, так ты окончишь свои дни, как и он.» так что моему отцу тоже пришлось бежать. Он тоже был настроен антифашистски, он понимал меня. Ему пришлось скрываться вплоть до конца войны.

CV: У меня сложилось по-другому. Поскольку я унес из казармы оружие, фашисты хотели знать, что с ним потом случилось. В Касалекио были казармы фашистской милиции. Не армия, а именно милиция. Они вызвали меня к себе в казармы и спросили, что произошло с оружием. Среди этих парней был маленький, который жил в квартире на одном этаже со мной. Вот представьте себе, они говорят мне: «Если мы найдем оружие, мы отправим тебя на фронт в Польшу.» Я говорю: «Да у меня нет оружия,» а оно у меня на чердаке. При этом один из фашистов живет прямо надо мной! Однако я сумел убедить их в том, что оружия у меня нет, но с того момента постоянно ощущал опасность. Мы с парнями перепрятывали оружие в других местах, но, тем не менее... Тогда-то я и решил вступить в бригаду *Стелла Росса*, хотя и не знал о ней ничего.

Когда это было?

CV: Май 1944. Когда я решил отправляться в путь, я никому об этом не сказал, даже родителям. Сначала я добрался до Сассо Маркони/Sasso Marconi, оттуда направился в Вадо/Vado, но толком не знал, куда идти. Дело было ночью. Я подошел к какому-то дому и увидел троих или четверых парней, сидевших на земле у дороги. С ними был еще один малый. Они спросили: «Что ты тут делаешь?» Говорю им: «Вас ищу.» - «А мы кто?» Тут я запаниковал и подумал, что они могут быть фашистами. Однако они разрешили мне переночевать в доме. Один спал на одной кровати со мной, еще двое рядом с тем парнем, которого они где-то нашли. На следующий день они отвели меня к своим вождям, которые находились в Камбиаго/Cambiago, севернее Вадо.

Когда мы уже были в штабе, эти парни сказали тому малому, которого они подобрали раньше копать окоп. Он попытался сбежать, и они его убили. Меня приняли по-другому, но они хотели знать мою историю. Я рассказал ее, но мне не поверили, потому что боялись шпионов. Они продержали меня в пещере три или четыре дня. Охраняли меня двое английских парней из RAF, которые были там же. Они сказали мне не терять веры, через три или четыре дня в штаб пришла какая-то информация, и меня отправили к Лупо (Lupo). Там все и началось...

[Марио Музолеси](#) (1914-1944), участник кампании в Северной Африке, командир антифашистской бригады *Stella Rossa*, кличка Лупо/Lupo/Волк. Погиб под Марцаботто в ходе зачистки немцами и фашистами местности, прилегающей к Готской Линии.

GS: Они уничтожили все наши документы и идентификационные карточки. Наши имена никто не должен был знать, потому что они могли стать известны фашистам, и это кончилось бы плохо для наших семей. Нам дали боевые клички (nom de guerre).

А как вы двое попали в бригаду *Стелла Росса*?

Хектор: Со мной было по-другому. Я сначала попал в 62-ю *Бригаду Гарибальдийцев*. Она рассеялась после гибели командира: одно отделение оказалось в Вилла ди Гиано/Villa di Ghiano, другое в Лама ди Рено/lama di Reno, другое еще где-то. Мы были в контакте друг с другом, а потом, когда *Стелла Росса* заняла район Вилла ди Гиано, они нас нашли. Мы отправились на встречу с ним в штаб нашей бригады, где оказалось 15 или 16 англичан или американцев – все это были беглые военнопленные. Потом [наш командир] Лупо собрал нас: он хотел узнать, получили ли мы какое-то оружие от бригады *Стелла Росса*. Лупо сказал, что мы можем остаться с ним, но нам придется объединиться со *Стелла Росса*.

GS: То есть, вы влились в бригаду *Стелла Росса*?

Хектор: Контакты были, но потом мы чуть их не потеряли. Они отвезли нас из своего расположения и высадили из грузовика. Опустился очень густой туман, и мы просто остановились там, где он нас застал. Утром кто-то догадался выстрелить в воздух пару раз, и эти парни нас нашли. Первым на нас вышел бородатый индеец-военнопленный, который целыми днями молился...

GS: Так вы пришли к нам, когда мы находились рядом с Монте ди Виньола/Monte di Vignola...

Скажите, Лупо и Джанни Росси/Gianni Rossi к тому времени уже приобрели известность?

Да, они были знаменитостями. Должно быть, когда мы пришли к ним, у них уже была какая-то информация о нас, потому что они нас приняли без проблем. Нас сразу расставили так, как нужно. Нас вооружили, и я выбрал автомат *Стен*. Мы были разделены на роты человек по 50-60 в каждой, роты делились на группы в 10-12 человек.

Был ли у вас страх перед Лупо и Джанни Росси (Gianni Rossi), или вы их просто уважали?

Хектор: Да нет, мы их уважали. Они пришли к нам со стороны, но я, хотя и был из местечка рядом с Вадо, знал большинство партизан и раньше. Например, Гвидо Музолеси раньше был одним из двух мясников в Вадо. Лупо был харизматичным человеком, спокойным и уравновешенным, а Джанни, который был замкомандира, был просто одним из нас. Он знал свое дело, но Лупо был лучшим. Из 100 партизан 100 проголосовали бы за Лупо... Еще был такой Торби (Torbi), который пользовался большим влиянием. На Лупо сильно влиял Грисальди (Grisaldi). Он был старым шахтером и коммунистом, *Commissario Politico*, другими словами, он должен был готовить молодых парней к послевоенной жизни. Он же отвечал за контакты с людьми в Болонье и со священниками.

Вы были очень молодыми людьми. Время было и захватывающим, и страшным. Был ли среди вас человек, которому вы доверяли?

Ключевым моментом было то, что командование [региональной партизанской группировкой в Эмилия-Романья] *CUMER (il Comando Unico dell'Emilia Romagna)*, в которой собрались все [политические] элементы *Комитета Национального Освобождения* – коммунисты, социалисты, христианские демократы – вероятно, на основе того, что у них был опыт Гражданской войны в Испании, объявило, что рядом с Лупо будет *Commissario Politico*. Грисальди был человеком, которому мы доверяли, когда речь шла о политических вопросах. Он говорил с нами о международном положении, например, от него мы узнали про Сталинград, и это внушило нам надежду. От него мы узнали о наступлении англичан ... это давало нам уверенность в том, что Италия возродится, став республикой со своей собственной конституцией. Мы все надеялись на мир, на свободу и на работу...

Как часто вы видели его?

Да все время. Он все время оставался с нами. Каждый день мы проводили определенное количество времени, ведя беседы о том, какой будет Италия после войны.

CV или Нестор: И еще, мы слушали некоторые радиопрограммы. Например, *Лондонское Радио*. Эти программы готовили специально для Италии, в них включали определенную информацию. Сбросы оружия с самолетов осуществлялись по сигналам, которые включали в радиопередачи из Лондона.

Какого возраста были эти люди?

Грисальди было около 50. Обычно это были люди из тех, что побывали в тюрьмах у фашистов и вышли на свободу 25 июля и 8 сентября [1943 года]. Я хочу отметить, что, вернувшись домой, мы пошли по этому пути. Например, я стал профсоюзным лидером, а ведь профсоюзов тогда не было. Он тоже стал профсоюзным лидером. Из нас выросли руководители организаций, который пришли на смену развалившимся фашистским союзам. Посмотрите, какую ответственность мы взяли на себя. У нас не было никакого образования, и, тем не менее, я возглавил союз, котором было 10 000 членов. А ведь мне тогда было всего 23.

Какие были у вас клички?

Nector: Меня прозвали Гранди (Grandi).

CV: У меня была кличка Минг (Ming). Это был плохой парень в серии комиксов, публиковавшихся в журнале *L'Avventuroso* (*Безжалостный Минг/Ming the Merciless – также персонаж американских комиксов Flash Gordon – ВК.*)

GS: Меня прозвали Болонья – Буланья (Bologna) на местном диалекте.

Вы голодали в то время?

Да, был сильный голод. Когда проходили антипартизанские рейды, нам приходилось прятаться по 2-3 дня. Есть было нечего.

CV: Я хотел бы повторить еще раз то, что вы, я уверен, и так знаете: партизанская война невозможна без поддержки крестьян. Они добывали для нас пищу. Еды было мало, питались мы плохо, но это следовало ожидать, поскольку тогда в Италии все недоедали. Но люди помогали нам с едой с огромным риском для себя. Во время рейдов немцы сжигали фермерские постройки в отместку за, что они предоставляли нам кров. Мы научились строить себе жилища сами, но они не спасали нас от дождя.

Случалось ли так, что крестьяне говорили вам: это слишком опасно?

Да. Некоторые так себя вели. Но знаете, они все равно предпочитали нас фашистам и немцам. Они были из тех же мест, что и мы. Партизаны часто были из местных крестьянских семей.

Встречали ли вы сельских жителей, которые отказывались вам помочь?

Я лично нет (остальные кивают). И потом, знаете, кроме того, что это была война против нацистов и фашистов, для них это была война против старых хозяев. Эти люди раньше были *испольщиками (медзадри/mezzadri – люди, отдававшие половину урожая землевладельцу – ВК)*. *Испольщики* всегда сидели в долгах перед хозяином земли. Вы не представляете себе, как жили эти люди 50 лет назад – они жили в нищете. Никакого образования. Их положение было трагическим, и крестьяне чувствовали необходимость в освобождении. . .

За ваши головы полагалась награда. Для крестьянина это была огромная сумма. Чувствовали ли вы опасность [от общения с ними]?

Не было ни одного эпизода, после которого мы могли бы поверить в то, что нас предал крестьянский сын. Однако шпионы были повсюду, но, чтобы нас предал крестьянский сын... Нет, в общем, нет.

Очевидно, партизаны было много, среди них были разные люди. Случались ли эпизоды, когда некоторые партизаны убивали гражданских? Ведь есть документальные свидетельства, что такое случалось.

Нет. Убивали фашистов, но не гражданских. Само собой, среди партизан попадались мерзавцы. Давайте посмотрим на великую трагедию этой войны. Я могу сказать вам о ней вот что: война разрушает человеческую жизнь и цивилизацию. Но человеческая совесть побеждает войны. Не трагедия ли это, когда 18-летний парень получает удовольствие, убивая кого-то? Были случаи, когда нас предавали сыновья партизан, сыновья других людей, [когда их убивали], это была месть. Например, был такой случай с Сугано (Sugano), он был моим командиром. Ему в свое время пришлось бежать к партизанам – он не мог простить фашистам то, что они убили его отца, мать и брата... Приходилось убивать кого-то, чтобы выжить. Это война.

На войне больше всего страдают обычные люди...

Да, конечно. Я не могу припомнить большого количества случаев, когда гражданские предавали нас или совершали что-то, направленное против нас. Не могу отрицать то, что [среди партизан] были кровожадные люди. В конце концов, среди нас были те, кому удалось бежать из тюрем. Разве всегда знаешь точно, откуда кто пришел к партизанам? Все бежали от немцев и фашистов, и *Стелла Росса* была их пристанищем. Или другая партизанская бригада.

Вы помните свой первый бой?

[CV или Ettore] Мой первый бой случился 28 мая 1944 года, дело было под Монте Соле/Monte Sole. Это был первый большой антипартизанский рейд немцев. Было у них и местные мелкие фашисты, но проводили его немцы. Они пришли со стороны Марцаботто. Мне было страшно, аж ноги тряслись...

Было еще раз, что я трясся от страха. Я вступил в бригаду в Модене, ее командиром был Армандо (Armando). Дело было под Монте Фьорино/Monte Fiorino. Нас послали под Лиззано ин Бельведере/Lizzano in Belvedere, а оттуда – на фронт, чтобы мы сражались вместе с американцами. Мы должны были провести две недели на передовой, потом две недели отдыхать. Как-то ночью мы оказались в доме, в 150 метрах от которого стоял дом, в котором были немцы. Немцы атаковали нас, и это было страшно, пострашнее, чем под Монте Соле. В 4 утра немцы окружили дом. Я был рядом с американцем. Мы услышали выстрелы и не могли понять, откуда стреляют...

Ваш первый бой 28 мая. Чем вы были вооружены? Во что одеты?

Одет был обыкновенно. Обычные брюки, английская гимнастерка. Другой одежды у меня не было. Вы должны быть в курсе того, что, если партизан попадал к ним [фашистам] в английской форме, его убивали. На самом деле, когда южноафриканцы нашли меня раненым и умирающим на *Готской Линии*, они спросили меня, как получилось, что я так одет...

Вы прошли обучение обращению с автоматом *Стен*?

Это было оружие партизана. Они были простыми. Дальность стрельбы была всего метров 25-30. Они были очень легкими, потому что мы все время были в движении. Самой тяжелой ношей были ваши [британские] *бомбы-липучку/sticky bomb*. Они весили килограмм или полтора (1.02 кг – ВК), и нам приходилось таскать по 15 штук в наших рюкзаках...

А ваш первый бой, Гастоне?

GS: Хотел бы сказать, что в книгах меня описывают как героя, как храбреца, но я таким не был. Мне всегда было страшно в бою. Большая часть боев, в которых мы побывали в составе бригады *Стелла Росса*, были боями из засады. Мы находились в постоянном движении. Например, меня часто посылали в засады в горном проходе, ведущем в Тоскану. Там проходила извилистая старая дорога, по которой немцы подвозили грузы к линии фронта. Мы выдвигались туда ночью из района Монте Соле. Днем мы оставались в засаде и засыпали бомбами первый или второй грузовик в колонне, заставляя немцев врасплох. Потом они открывали ответный огонь и выстреливали в небо осветительные ракеты...

Мой самый большой бой случился 29 сентября. Я был ранен, бежать было некуда: мы были окружены...

Где это произошло?

В районе нашей базы близ Капрары/Carpara. Мы были в горах, над базой, близ Монте Абелле/Monte Abelle. Официально я был командиром группы, но на самом деле возглавлял ее Карло (Carlo). Он был незаурядным командиром... Так вот, немцы сблизились с нами, начался ожесточенный бой. Он продолжался 5 или 6 часов, и я был ранен.

Вы видели, как горят дома в долине?

CV: Нет, тогда я не мог этого видеть. Увидел я их вечером, когда вернулся с ранением, уже полумертвым. Еще там был партизан, у которого пуля застряла в легком. Когда я проходил мимо него, я видел, как двигается его легкое, когда он дышит. Видел я там и мертвых, но, вы знаете, меня назад привели другие парни: я был весь изранен и истекал кровью. Доктор сказал: «Я ничем не могу помочь Гастоне. У меня нет медикаментов. Постарайтесь уйти за линию фронта.»

В Капраре была одна старая патриархальная семья из 14 человек. Из нее выжил только паренек лет 13-14, потому что он бежал вместе с нами. Они [фашисты] перебили всех. Они появились там пьяными, орала, стреляли во все стороны. Это был ад. Как можно было убивать беззащитных женщин и детей? Это вместо того, чтобы идти дальше и искать нас. Мы-то смогли бы себя защитить...

Как вы думаете, что случилось с Лупо?

Помню, люди говорили, что Лупо погиб.

Определенно погиб? Он не был убит рукою Джанни?

CV: Трудно в этом разобраться. Есть разные версии событий. Говорят, он находился в доме под названием *Ca' Dotto*. Их застал врасплох антипартизанский рейд. Когда они пытались бежать, по ним стреляли. Я помню, что видел Джанни сразу после рейда (он тоже был ранен). Он тогда сказал мне, что Лупо убит. Потом пошли слухи. Но меня там не было, так что я не могу сказать, что случилось на самом деле, могу только догадываться. Если бы знал что-нибудь, сказал бы...

Что случилось с вами после всего этого?

Несколько дней я оставался в Монте Салларо/Monte Sallaro. Потом все мы, кто был там, - нас было четверо - поклялись, что или все разойдемся по домам, или никто из нас не уйдет. Мы попытались добраться до места под названием Бурсанелла/Bursanella, где был врач, потому что у меня была лихорадка: я был уверен, что меня сразила инфекция от полученных пулевых ранений. Нам повезло в том, километрах в 5-6 от нас стояли южноафриканцы - они занимали позиции на Готской Линии в районе Гриссаны/Grissana. Мы вышли к *Готской Линии*, и трое моих товарищей сказали мне: «Ты не можешь идти,

дай нам возможность оставить тебя на время и узнать, что там и как.» Мы и в самом деле слышали где-то над нами артиллерийскую стрельбу. Немцы вели огонь со своих позиций на *Готской Линии* по той местности, где находились мы. Там были еще то ли англичане, то ли американцы. Так они задержали этих троих парней и не дали им уйти, потому что опасались, что это шпионы.

Забыл сказать, что меня оставили еще с одним парнем из Кремоны/*Cremona*, у которого было ранение в ногу. Прошло три дня, есть нам было нечего. У меня был дар. Я встал и пошел. Наткнулся на роту южноафриканцев, среди которых был полковник, который посетил эти места 12 лет спустя и вспоминал, что был там такой раненый партизан... Ну, отвезли нас в госпиталь, где меня спасли. Повезло мне.

И что было после госпиталя?

Да ничего особенного. Вышел из госпиталя. Итальянское правительство *Национальной Свободы* (то, которое было сформировано в Риме из коммунистов, социалистов и христианских демократов) выпустил декрет *Bando no. 8*. Этот декрет призывал молодых людей записываться в армию на срок, который продлится на три месяца после прекращения боевых действий. Примерно то же говорили политкомиссары. У Грисалди, партизана из Болоньи было письмо от Тольятти. Еще было письмо от Ненни (*Nenni*), адресованное нам, партизанам. В нем говорилось о том, что мы, партизаны, должны довершить освобождение страны. Мы благодарим англичан и американцев, но Италия принадлежит нам. Итак, нас пригласили добровольно записываться в армию. В нашей местности нас было около 200 человек, и я припоминаю, что только 20 не пошли в армию. Нас отправили в Рим, там мы прошли быстрый курс обращения с британским оружием, после чего нас отправили в район города Альфонсине/*Alfonsine*, а закончилось все для нас в Венеции. Мне повезло, что война быстро закончилась. Мой день рождения 25 апреля, так что это для меня двойной праздник...

Англичан я не особенно любил, и скажу вам почему. Как-то раз я был в английской форме и шел по дороге от Чесано/*Cesano* в Рим (20-25 км). Брился я раз в неделю, так что отросла щетина. Наткнулся на английский пост, так они сказали мне, что борода у меня слишком длинная. Я им сказал, что могу делать, то, что мне нравится: завтра мне на фронт, где я могу погибнуть. Однако они настаивали на своем. Ну я и послал их к черту. Вообще, у них была привычка проверять сортиры и, знаете, ментальность колонизаторов...

Я был рад, что оказался в пехоте и в авангарде в ходе наступления, тогда как они [англичане] шли за нами со своими танками и пушками. Ну а эти их бедные ребята – бенгальцы и индийцы – тряслись от страха и молились, где только придется.

Когда вы были в рядах Кремоны/*Cremona*, что вы делали в перерывах между боями?

Изучали английское оружие, с которым не сталкивались раньше. Еще у нас были два броневедомола, два миномета – один здоровенный и один поменьше, один *ПИАТ/PIAT*. *ПИАТ* был моим оружием. Трудность в его использовании состояла в том, что нужно было стрелять с расстояния не больше 25 метров. Мне повезло, так как я ни разу не сталкивался с вражескими танками.

Вы хотели на передовую? Люди из Кремоны хотели воевать?

Да, конечно. Мы были добровольцами. Знаменитый *Декрет №8* способствовал росту мотивации у молодых итальянцев. Мы не могли оставить освобождение Италии исключительно американцам и англичанам. Это была наша страна. Мы подписались на то, что останемся в армии еще на три месяца после окончания боевых действий против немцев, но были готовы идти туда, куда нас пошлет командование 8-й Армии англичан. Мы были ее частью.

Карло, а где вы были в дни окончания войны?

CV: Я был в Пеше/Pescia, в провинции Тоскана. Я попал на фронт туда, где были американцы, потому что Армандо, командир партизанской группировки *Модена*, сказал, что так мы окажемся первыми, кто войдет в Болонью. Однако он ошибался: первыми в нее вошли поляки. Кроме того, до перехода то наступление, американцы разоружили нас и отвезли обратно в Пешу.

То есть, они разоружили вас, чтобы вся слава досталась им?

GS: Не уверен в этом. Англичане разоружили и бригаду *Стелла Росса*. Потом нас снова вооружили и, после всего, мы влились в регулярную армию.

У вас были контакты с семьей, когда вы были в составе *Стелла Россы*?

Нет. Все контакты были прекращены, чтобы избежать актов мести по отношению к нашим семьям.

И когда вы воссоединились с семьей?

Я был в армии и мог посетить свой дом, только получив разрешение на это. Война окончилась в апреле 45-го, а я вернулся домой осенью, ближе к зиме. Каких-то средств связи не было, не было даже почты. Ты мог остановить кого-нибудь на дороге и спросить, не лежит ли его путь где-то неподалеку от твоего дома и не мог бы он найти семью Сгарджи.

Ваши родители, должно быть, волновались?

Да, у нас не было новостей от них, а у них – от нас...

CV: Со мной рядом был парень по кличке Биойо/Bioio. После боев у границы нам дали 4-5 дней отпуска. Поскольку я в прошлом работал в Романье, я воспользовался благоприятным случаем, остановил грузовик и попросил водителя подбросить меня к друзьям в Sant'Agata (вероятно, речь идет об одном из пригородов Болоньи – ВК). Биойо тоже хотел поехать. Он попросил сделать ему одолжение: дал адрес, по которому жила в Болонье его мать, если мы найдем ее до того, как он приедет туда сам, сказать ей, что он жив. Так случилось, что через два дня там, где он был, напротив нашей передовой оказался вражеский танк. Один выстрел, и парень погиб. Так что, его матери сказали, что он жив, но ей больше не довелось его увидеть...

Вы помните тот день, когда вы снова увидели свою семью?

Не заставляйте меня плакать. Вы можете прочитать об этом в моей книге.

Должно быть, это был трудный момент. Обычно солдат получает письма из дома, но вы ничего не слышали о своих целых два года... Вы часто думали о своей семье?

Нечасто. Были другие дела, о которых нам приходилось думать. Мы все время были в движении. *Стелла Росса* была партизанской бригадой, которая чаще других оказывалась под атаками врага.

Несмотря на все трагические моменты, все проблемы, находили ли иногда вы время посмеяться?

Да, конечно. Нам было по 18-20 лет. Уж не ожидаете ли вы чего-нибудь другого?

Я даже как-то освободил двух немцев. Мы были заняты тем, что резали их линии связи. После это мы ждали, когда подойдут немцы, ищущие участки, которым нанесен ущерб. Нас было трое или четверо. Подъехали двое немцев на конной повозке. Довольно немолодые люди, однако с винтовками и гранатами. Мы прыгнули на них, отобрали оружие, повозку с лошадью и дали им уйти. Просто из сочувствия, потому что это были старые люди. Да и напуганы они были! Они не пытались отбиться, а когда поняли, что смерть где-то рядом, стали доставать и показывать фотографии своих родных. Все они – и немцы, и фашисты – так себя вели. Когда смотришь смерти в лицо, любой так себя ведет, даже храбрец...

CV или Ettore: Мы говорим о немцах. Не знаю, почему мы не говорим и о фашистах... Они не очень-то попадали нам на глаза. Боялись...

GS: Помните, когда ты – молодой парень, война разрушает человеческую совесть...

Что происходило в вашей жизни позднее?

Хотел бы рассказать вам об одно русском фильме, который называется *Баллада о Солдате*. Пересказывать не буду, потому что это – долгая история, но там речь идет о парне, который погиб в 19 лет. В конце фильма там есть комментарий, в котором говорится вот что: «Он мог бы жить, мог бы любить, но его жизни хватило только на то, чтобы быть солдатом.» Это заставило меня плакать... *(Буквально закадровый голос говорит следующее: «Он мог бы стать замечательным гражданином. Он мог бы строить или украшать землю садами. Но он был и навечно останется в памяти нашей солдатом. Русским солдатом» - ВК).*

Я всю жизнь трудился: был профсоюзным лидером, возглавлял кооперативное движение, работал пару лет для *Коммунистической Партии*. Моей страстью с молодых лет был спорт, особенно бокс, так что после того, как я ушел на пенсию, меня пригласили возглавить ассоциацию, в которую входит около 4 000 человек *(вероятно, речь идет о любителях бокса – ВК).*

А война вам все еще снится?

GS: Мне нет. Для меня все это прошло.

Что вы чувствовали, когда лилась кровь? Тошнило от этого?

Нет, не тошнило. Просто все это было ужасно.

CV: Мой товарищ был убит, и мы отнесли его в заросли, чтобы похоронить. Все его тело было покрыто червями... Видеть это было...

GS: Привыкаешь к этому, день пришел, день прошел... Но я знал людей в бригаде *Стелла Росса*, отличавшихся выдающейся храбростью. Когда спрашивали, есть ли добровольцы для какой-то операции, они сразу поднимали руки. Я – нет, они – да. Невероятно. Для них жизнь мало что стоила. Я делал, то что, что делал по соображениям совести, по необходимости.

После того, как вы узнали о резне на кладбище, осталась ли у вас вера в человечество?

Мы знали, что это могло быть сделано только нацистами и фашистами, но никак не людьми. Я всегда ненавидел немцев. И сейчас ненавижу. Но мы не должны передавать это нашим детям...

Существует ли прощение?

Нет, если это касается меня. Что касается тех, кто совершил все это в Марцаботто, я вполне удовлетворен приговором суда над ними. Существуют общечеловеческие законы, и они так же применимы по отношению к тем, кто был там.

Знаете ли вы о том, что у нас есть контакт с человеком, работающим в немецкой прессе, который нашел одного из тех, кто несет за это ответственность?

Так есть один итальянский журналист, живущий в Германии, который провел расследование, чтобы выследить этих людей. Так или иначе, одного из них нашли и собираются судить, подробностей не знаю... Я против смертной казни, но этих нужно наказать.

Даже спустя 50 лет?

Да. Потому что это не было военными действиями, это была резня. Вендетта по отношению к [мирному] населению.

Мемориал в Марцаботто. В этом городке недалеко от Болоньи в конце сентября – начале октября 1944 года эсэсовцы уничтожили около 770 мирных жителей. На снимке - фотографии погибших 3 октября 1944 года

Вы говорили, что эсэсовцы были под воздействием наркотиков, пьяны?

Да, пьяны и под воздействием... Лучше их самих спросить, но как еще можно довести молодых парней до такого состояния, что они готовы убивать даже детей? Они были оболванены идеологией, убедившей их в том, что они – сверхчеловеки. Ну а потом там были вино и спиртное.

Эсэсовцы под Монте Соле прибыли из России, не так ли? Там он и потеряли человеческий облик.

Да. Война убивает человеческое сознание.

CV: У них была такая доктрина: если они натыкались на кого-то, кто был из семьи партизана, то его уничтожали, не принимая во внимание возраст, будь это 1 год или 80...

ИНТЕРВЬЮ С ДЖАННИ РОССИ (GIANNI ROSSI)

До Перемирия в сентябре 1943 года служил в Итальянском ВМФ, после этого вступил в партизанскую бригаду Стелла Росса и стал заместителем ее командира

Я родился в Марцаботто в 1923 году. Точнее, в Гардалетто, но в коммуне Марцаботто.

Ваши родители были крестьянами?

Нет, мой отец имел мелкий бизнес в строительстве.

У вас были братья, сестры?

Брат на 5 лет младше меня и сестра на год старше.

Какой была жизнь в те времена: тяжело было, или ваша семья жила в материальном благополучии?

Нет-нет, мы были в порядке, но вокруг нас царил нищета.

Всего не хватало?

Да, во времена фашизма.

Что, и еды не хватало, и всего такого?

Да, нехватка всего, люди голодали.

Что ваш отец думал о Муссолини?

Отец? Он всегда был антифашистом. Когда какой-нибудь фашистский лидер должен был проехать мимо нас по этой вот дороге, его брали под арест с целью безопасности и сажали за решетку. Наша семья всегда была настроена против фашистов...

Были ли у вас родственники в округе? Дядья, тетки?

Дядья и тетки? Да, и все они были против фашизма. Брат и сестра, он был женат, она замужем. В Гардалетто еще жил дядя - брат моего отца.

Политика имела значение для вашей семьи? Говорили ли о ней?

Да, и много.

То есть, ваше детство было счастливым?

Да, мы и семья Анджелино были из числа тех немногих, которые ни в чем не нуждались. У нас были деньги, не так, чтобы очень много, но...

Вы хорошо знали эти места? Будучи ребенком, ходили ли вы горы, забирались ли на Монте Соле?

Да, само собой. Я здесь родился и знал эти места. Когда мы ходили в церковь по воскресеньям, это было в Касалии, рядом с сан Марино.

Пешком?

Да.

А в Гардалетто была церковь?

Позднее построили, но главная была в Касалии. Там люди встречались.

И школа ваша была в Гардалетто?

Да. Рядом с нашим домом была начальная школа. Средняя школа была в Вадо. Туда я ходил пешком.

4 километра?

3. 6 туда-обратно. Автобусов тогда не было. Да, времена изменились, и не всегда в лучшую сторону.

Когда вы были ребенком, случилось ли, что вы проводили каникулы не дома? Или круглый год были дома?

Да, в те времена так было...

И на море не бывали?

Я бывал на море в детстве, меня отправляли в Каттолику, в место отдыха имевших ранения ветеранов ПМВ. Мой отец был ранен во время той войны, и Ассоциация, помогавшая раненым ветеранам - *Associazione per i Mutilati*, имела летний лагерь в Каттолике, куда мы ездили каждый год. Это было близ Риччоне/Riccione. Три года подряд, раз в год на месяц.

Вся семья?

Нет, только дети.

Это было благотворительностью, и *Associazione* была благотворительной организацией?

Да.

Ваш отец рассказывал что-нибудь о ПМВ?

Да, ведь он был ранен. У него был разорван нос, он получил 9 осколков. Еще рука... были видны его шрамы, там и тут. И со мной случилось то же самое!

Пуля?

Осколок снаряда.

Не считал ли ваш отец, что фашизм был продуктом ПМВ? Что она привела к фашизму?

Нет.

Когда вы покинули школу? Сколь вам было лет?

12 ½.

И вы пошли работать? Работать на отца?

Нет, я пошел работать в механическую мастерскую.

В офис? И где он был?

В Болонье.

Каждый день?

5 месяцев ездил из Гардалетты в Болонью и обратно на велосипеде, но через 5 месяцев отец отправил меня к своей сестре в Борго Панигале/Borgo Panigale, что рядом с Болоньей.

И что вы делали в офисе?

В офисе? Да нет, я работал в мехмастерской (*ошибка связана с тем, что по-итальянски officina – мехмастерская*) учеником. Дело было в 1935-м.

Столь многое пришлось на молодые годы вашего поколения. Трудно себе все это представить...

Это не то, что в наши дни, когда дети идут работать в 18, а школа является обязательной. Тогда люди начинали работать даже лет в 10. В наших местах в те времена многие пацаны в возрасте 10 лет шли в *гарцони/garzoni* – работать на местных фермеров просто за еду.

Когда для Италии началась война, вы все еще работали в мехмастерской?

Да.

Автомехаником?

Нет, механиком по насосам, водяным насосам. В то время, с 1935-го по 1938-й я жил у тетки в Болонье. В 1938-м отец купил дом в Виа Баттиндарно/Via Battindarno, в Болонье. Мы до сих пор им владеем. Это дом с двумя квартирами. Отец купил его за 36 000 лир с куском земли в 800 [квадратных] метров. Вся семья переехала туда из Гардалетто. Дом в нем мы использовали в летнее время.

Вы помните, когда началась война? Или от вашей жизни это было далеко?

Помню. Меня призвали во флот в начале 1942 года. Если ты был механиком, тебя призывали во флот или в авиацию.

А вы помните, как война начиналась в июне 1940-го? Муссолини тогда объявил войну Англии и Франции.

Конечно.

И что вы подумали?

Мы были против всего этого. Все в нашей семье.

Оказывали ли влияние фашисты на вашу повседневную жизнь? Видели ли вы их на улицах? Вели ли они себя агрессивно?

Это были банды, которые выходили на улицы вечером, угрожая людям, которые не были фашистами.

Боялась ли их ваша семья, будучи антифашистской?

Да нет. В самом деле, нет. Но нас постоянно провоцировали, и нам приходилось сидеть тихо.

Боялись ли вы ареста?

Когда намечался проезд мимо нас какого-нибудь фашистского лидера, моего отца прятали в тюрьму в целях безопасности на день или два, пока все процессии не закончатся.

Чтобы не попадался на глаза?

Да.

Когда это было? В 1940-м?

Да всегда. С самого начала фашистского правления.

А потом его освобождали?

Да. Например, когда Гитлер проезжал через город, чтобы участвовать в открытии железнодорожной линии на Рим в 1936-37 годах, его упрятали на 3 дня.

Дети, которые хотели ходить в школу, должны были стать членами юношеской фашистской организации - *Opera Nazionale Balilla* и получить членский билет – *tessera*. В школу пришел инспектор, и нам пришлось уйти из нее. Потом у них была беседа с моим отцом, и ему сказали, что он должен получить карточку для сына. Он сказал им: «А я не итальянец, я – больше, чем итальянец, я – *Италианиссимо/Italianissimo*. Я был ранен на Великой войне, это вы – неитальянцы. Если вы выгоните моего сына, я найду частного учителя.

И это случилось?

Нет, меня оставили в школе.

Во время военной службы участвовали ли вы в боевых действиях?

Первоначально меня отправили в военно-морскую школу в Венецию. Потом, через 3 месяца, меня отправили в Ла Специю/La Spezia, где я оказался на борту линкора *Alpino*. Когда мы стояли в порту, его бомбили. Оттуда меня перевели на вспомогательное судно (*вероятно, танкер – ВК) Il Quarnaro* в Гаету/Gaeta.

Его бомбили англичане. Вы были на борту в тот момент?

Нет, когда прозвучал сигнал тревоги, мы сошли с него и были в порту. Потом я был в госпитале на медосмотре, а потом было *Перемурие* (8 сентября 1943 года). Мы были частью вооруженных сил, все они были расформированы. Потом Муссолини создал фашистские отряды, затем была сформирована фашистская армия. Мы оказались в так называемой *королевской* части армии, то есть, были армия короля и армия фашистов. Их знали, как *волонтеров смерту/volontari della morte*. И была нормальная армия, подчинявшаяся *Королю*.

Как вы добрались до дома?

На своих двоих. Общественного транспорта тогда не было. Добирался я почти неделю, вернулся, когда еще был сентябрь.

А потом?

А потом мы начали организовываться в антифашистские отряды, потому что Муссолини начал призывать добровольцев в свою армию, потому что сначала его посадили в тюрьму, а затем освободили немцы. Меня в нее не призвали, но меня искали. Если ты не являлся [на призывной пункт], ты считался дезертиром, так что люди стали нас прятать.

После *Перемирия* вы радовались тому, что война окончилась?

Большинство итальянцев были счастливы. Все мы.

Но вы ведь понимали, что впереди вас ждут испытания?

Да нет. Испытания начались, когда Муссолини стал заново формировать свою армию.

Какими были Гардалетто и Болонья, когда вы в него вернулись? Изменились?

Да. Я не вернулся в Гардалетто, я ведь успел пожить в Болонье.

Когда вы начали организовываться в отряды антигерманского Сопротивления?

Через два месяца. Мы пошли в казармы искать оружие, брошенное армией. В Болонье было 5 или 6 казарм. Мы нашли там винтовки и тому подобное. Мы – это группа молодых парней, все мы знали друг друга. Забрали оружие из Болоньи и припрятали его.

Все, кто был против фашистов, должен был сражаться против них. Они снова сгруппировались, когда освободили Муссолини. Что-то нужно было делать. 90 процентов населения хотело конца войны.

Ваш отец знал, что вы хотите сражаться? Он был в согласии с этим?

Бог ты мой, конечно. Он нас также поддержал деньгами, когда мы формировали бригаду.

Стелла Росса?

Да, но она была *красной* только на словах. Мы не были *красными*. Мы не были коммунистами. Это был просто символ.

Как вы повстречали Лупо?

Мы были друзьями с давних времен. Он был постарше меня, но все мы знали друг друга.

Он жил неподалеку от Гардалетто?

Да, в паре сотен метров. Он и в Болонье жил, и в армии тоже служил. Он был лидером.

Что вами двигало? Чувство справедливости?

Мы были против идей Муссолини и фашизма... Потом мы растащили оружие по домам в Гардалетто. Мы организовались в отряд, в начале нас было около 20 парней. Потом в марте 44-го, нас обнаружили [фашисты], и нам пришлось перенести оружие в леса и спрятать его в пещерах.

То есть, вы все еще жили в Болонье в то время и в боях вы еще не участвовали?

Да. Первый бой случился в марте 44-го. Мы атаковали конвой итальянских фашистов, они двигались на грузовиках. Дело было выше спуска к Гардалетто, перед правым поворотом к нему. У нас были только винтовки, автоматическое оружие появилось только тогда, когда вы [британцы] стали присылать его.

И много было грузовиков?

Нет, два всего, забитые солдатами. Некоторых мы убили, мы не знали, сколько всего.

То есть, на том этапе это была гражданская война? Вас задевало то, что вы стреляли в итальянцев?

Ну, взгляните на это дело так: они этим не заморачивались, и мы о них тоже не беспокоились.

Казненные итальянские партизаны

<https://www.pinterest.com.au/pin/337699672035854197/>

Вы тогда впервые стреляли за всю войну? Что вы чувствовали?

Никаких эмоций. Я был сыт ими [фашистами] по горло.

Где вы жили в то время? Вы ведь не могли вернуться в Болонью.

Но, мы оставались в ней. Я вернулся в родительский дом в Гардалетто.

Страшно было?

Да. Фашисты знали, кто я и что я. Позднее они еще раз обыскали дом, и моим родителям пришлось каждый раз ночевать в новом месте.

Вы в самом Гардалетто скрывались?

Нет, не в самой деревне. В крестьянских домах.

На горе Монте Соле?

Немного ниже ее. Ночевали в стогах сена. Крестьяне кормили нас, они были настроены дружелюбно по отношению к нам.

Волновало ли вас то, что награда, обещанная за вашу голову, могла вдохновить кого-то на то, чтобы выдать вас?

Само собой. Фашисты засылали к нам шпионов, чтобы убить нас. Скажем, это были полицейские, прикидывающиеся партизанами. Как-то они попытались отравить Лупо, когда мы стояли у крестьян, но Лупо почувствовал это. Был еще один, и нас предупредили, что это – шпион. Вообще, тот парень был в контакте с англичанами, раньше тоже был моряком.

И как вы раскусили его?

Нас предупредили насчет другого.

И что вы с тем, первым сделали? Убили?

Да.

А со вторым как?

Нас предупредили об этом бывшем морячке. Британец из спецслужбы дал нам знать, что среди нас есть кто-то, кто шпионит за нами. У морячка была подруга в Вадо, от нее-то он и узнал о нас. Оттуда к нам шло оружие.

Ну а с морячком-то что случилось?

Марио не поверил в то, что он шпион, так что мы оставили его среди нас, спали так: Луппо, этот парень посередине, я с другой стороны. Спали мы в пещере. Ночью, в пещере, Луппо держал свой кинжал вот так [под рукой].

Как звали парня?

Амедео Арчиони (Amedeo Arcioni).

Чем все кончилось?

Ну, мы обшили пещеру бревнами, чтобы придать ей жилой вид, и Луппо держал свой кинжал воткнутым в ствол повыше себя. Тот парень сказал: «Я собираюсь выйти до ветру.» Вернувшись, он выдернул нож из бревна и метнул его в Лупо – нож попал ему вот сюда. В этот момент я проснулся, парень кричал «Джанни, Джанни!», а он [Лупо] уже держал свои руки вот так, в одной был кинжал. Ну а парня я увидел уже с приставленным к его груди ножом... Потом мы его расстреляли.

Кинжал нанес Лупо рану отсюда досюда, у меня у самого был порез на голове.

Когда это случилось?

В начале апреля.

Как британская разведка [Intelligence Service] вступала с вами в контакт?

Как я уже говорил, у того парня была подруга в Болонье, потом она была эвакуирована в Вадо. Потом тот парень узнал о нас...

Он был англичанином или итальянцем?

Итальянцем, моряк, бывший офицер ВМФ. Он работал на британскую разведку и доставлял нам оружие.

Вы его с самого начала подозревали?

Нет, потому что его девушка была антифашисткой. От нее он узнал, что мы – организованный партизанский отряд. Кроме доставки оружия, он еще получал для нас сообщения, слушая *Лондонское Радио/Radio London*. Первый контакт с британской разведкой у нас был в апреле.

Где была ваша радиостанция? В горах? Вы узнали о нем через Лондонское Радио, или к тому времени уже были знакомы с ним?

Он дал нам связь с англичанами через *Лондонское Радио* уже потом, а о нем мы узнали от его подруги. *Лондонское Радио* передавало сообщения каждый вечер, нам сообщали, когда будет сброс груза. Они использовали слово *Марио: Марио, будь наготове... будь наготове*. Так продолжалось несколько вечеров, так что у нас была возможность подготовить площадку для сброса на нее грузов. Они [англичане] уже знали эти места. Когда они сообщали, что *поют птицы*, это означало, что груз будет сброшен в 10 часов вечера.

Кто передал вам радиостанцию?

Это был обычный радиоприемник. Они были у большинства людей.

Какое оружие вы получали?

Автоматы *Стен/Sten*. Потрясающее оружие этот *Стен*. Еще были гранаты и английская военная форма. Просто чтобы людям было что одеть.

Но не все ее носили?

Нет.

Сколько вас было к этому времени?

После мая уже 240-250. В начале мая [1944-го] было три сброса, а 24-го мы впервые атаковали немцев. Это был замечательный бой, честное слово. Мы убили около 240 немцев, а у нас был только один раненый. Это случилось там, где стоит белый дом, вон там. Они двигались по дороге и собирались зачистить местность от партизан. Над Вадо расположился немецкий зенитный пулемет, а еще через неделю они пришли, чтобы найти нас.

Вы прятались в зарослях?

Да, мы засели в зарослях и в канавах.

А где была зенитка?

Над железнодорожным мостом.

Так вы знали, что немцы собираются прийти и атаковать вас?

Да. У нас были информаторы, итальянцы. Мы звали их *stafette*.

Кто у вас принимал решения? Лупо или британские агенты?

Нет, никак не англичане. Они принимали решения только по вопросам доставки грузов.

Вы и Лупо были командирами...

Да, мы были разделены на роты, у каждой был командир. В каждой роте по 33 человека.

Были ли среди вас те, кто хотел стать во главе вместо Лупо?

Нет, его верховенство было вне вопросов. С самого начала он и я стали во главе.

Можете вы вспомнить какие-то еще атаки, направленные против немцев?

Да их много было: мы нападали на казармы, на позиции зенитчиков...

Вам довелось захватить документы, касающиеся [Готской Линии](#). Как это произошло?

Да. Мы захватили информацию по всем укреплениям *Готской Линии*. Мы отправились в рейд, нацеленный на разоружение фашистов, находившихся в казармах в [неясно]. Джок (шотландец), Херман (южноафриканец) и Стив (новозеландец) были с нами. Раньше они находились в плену на юге Италии и спрыгнули с поезда во время его остановки. Это случилось за два месяца до захвата документации, в июне 1944-го.

На пути назад, после того, как мы разоружили фашистов в казармах, мы увидели [немецкую] амфибийную машину, поэтому нам пришлось спрятаться за кладбищем. Дело было в окрестностях Монте Пасторе/Monte Pastore, на второстепенной дороге. На главной дороге были партизанские посты, и немцы избегали передвижений по ней. В машине было три человека: врач, офицер и водитель. При них была документация по укреплениям на *Готской Линии*. Мы убили их всех, нашли в машине портфель с документами и отправили его британцам через Швейцарию. Немцы вернулись туда, долго искали машину, но мы договорились с местными крестьянами и спрятали машину где-то в поле.

Что, прямо целиком? Должно быть, вас там было много?

Нас было пятеро: я, Джок, Херман, еще двое парней из Вероны. А вообще, лучше всего у меня получалось [воевать] вместе с британцами. Вы – отличные ребята.

И крестьяне помогали вам совершенно добровольно несмотря на опасность, которой подвергали этим свои семьи? Или же вам приходилось оказывать на них кое-какое давление?

Нет, они всегда помогали по своей воле.

Почему вы послали документацию в Швейцарию, а не через линию фронта, так ведь было ближе?

Вокруг были немцы. Да, потом британцы разбросали по местности листовки с благодарностью за полученную информацию.

А не было опасности в том, что они могли попасть в руки к немцам?

Нет, немцы знали, что документы все равно пропали! Это сильно им навредило.

Чем больше вы нападали на немцев, тем больше было рисков для гражданского населения. Вы это знали, не так ли?

Да, все знали, что за одного убитого немца будут убиты 10 итальянцев. Но гражданских это тоже не беспокоило. Они знали, что делают. Это были смелые люди.

И они ни разу не попросили вас воздержаться от каких-то акций?

Никогда и никто.

Почему Марио прозвали *Il Lupo*?

Детская кличка. Никто не знал, почему так. У каждого в горах была кличка. Почти у каждого.

А у вас?

Джованнино (Giovannino). Когда я был пацаном, когда рос, я всегда был *Джанни*. Моего отца прозвали *Il Governo*.

Сколько вас было к сентябрю (1944-го)?

600.

600 – это очень много людей: не было ли у вас беспокойства о том, можно ли им всем доверять?

Нет, нет. Мы все знали друг друга.

Ну а когда вы спали, вас охраняли?

Ночью всегда рядом был часовой, как в армии.

Что вы помните о событиях 28-29 сентября?

Наш последний бой случился 29-го, потом линия фронта прошла через нас на север.

Это тот день, когда случилась резня?

Побоища (в районе *Марцаботто – ВК*) начались 30-го и продолжались 3 дня.

А вы знали о том, что немцы собираются прийти, чтобы убивать гражданских?

Нет. Они убивали по 10 гражданских за одного убитого немца. Они смешивались с местными, используя их в качестве живого щита.

Где были вы этот момент?

Я командовал людьми в районе Кадотто/Cadotto, у подножия Монте Соле.

Лупо был убит немцами?

Да, в него попали трижды. Мы вышли из дома в Кадотто, и, как только мы зашли за него, они [немцы] открыли огонь. Первая пуля попала в меня: вот сюда.

Немцы приближались к вам?

Да, с тыла. С нами еще был Гамберини (Gamberini), ротный командир. Я стал отстреливаться и получил еще одну пулю в руку и еще одну в ногу.

Так что, немцы вас окружили?

Да, с ними был бывший партизан, шпион. Дело было ночью, около 4-х. Лупо сполз в канаву, там он и скончался – его мы нашли уже потом.

Сколько всего там было немцев?

Много. Батальон эсэсовцев... Лупо нашли 6 месяцев спустя. Сам я после перестрелки перешел линию фронта, все мы ушли. Мы думали, что он остался жив. Союзники в тот момент были меньше чем в километре от нас. Мы нашли еще одного парня, который был убит в нескольких метрах от меня. Вы знаете, что фронт стоял здесь на одном месте 6 месяцев...

Из Монте Соле вы перебрались в Гардалетто?

Нет, в другую сторону – в Сан Мартино/San Martino.

Позиции союзников были совсем близко?

Километра полтора.

Это было 29-30 сентября?

Я ушел 2 октября.

Вы видели, как происходит [устроенная немцами] резня?

Нет.

Вы вышли к позициям союзников, потом что было? Госпиталь?

Да, попал в госпиталь. Я был ранен в обе руки и в ступню... Когда я поправился, вступил в OSS (*Отделение Стратегических Служб/Office of Strategic Services – американская служба военной разведки*). Уходил за линию фронта, туда, где были немецкие позиции, возвращался и рассказывал американцам о том, что видел. У них было 15 итало-американцев и 15 партизан. Это был период с конца 1944-го по апрель 1945-го. Командовал нами лейтенант Алесси/Alessi, американец.

В боях вы принимали участие?

Да, конечно.

Что вы делали после войны?

Начал работать на автобусах. Я и еще двое парней создали компанию, которая занялась местным автобусным сообщением.

Трудно было переходить к мирной жизни?

Единственной моей трудностью были коммунисты... Они хотели, чтобы партизаны ориентировались на них, но, на самом деле, среди нас были люди самых разных политических убеждений, а коммунистов совсем немного...

*Оригинальные интервью взяты с сайта Джеймса Холланда/James Holland
www.griffonmerlin.com*

Перевод, литературная обработка, комментарии – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org